

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, КОММУНИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИИ SCIENTIFIC LIFE, COMMUNICATIONS AND REVIEWS

УДК 111.85

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-2-466-470

EDN RSPATE

После паузы

(рецензия на книгу: Петар Боянич. Насилие, фигуры суверенности.
Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2025 г. 270 с.)

¹ Алкатири Шоук Мухсин Бадер Бинкуда, ² Сорокина С.Н.

¹ Университет «Аль-Джазира»

ОАЭ, эмират Дубай, ул. 7А, Эт Твар 3

² Белгородский государственный аграрный университет им. В.Я. Горина,
Россия, 308503, Белгородская обл., п. Майский, ул. Вавилова, д. 1

ashouk@bk.ru; sorokina_sn@belgau.ru

Аннотация. Сербский философ Петар Боянич достаточно известен русскоязычному читателю. Книга «Насилие, Фигуры Суверенности», вышедшая в издательстве «Кабинетный ученый», продолжает тематику исследования насилия, его связи с государством, правом, суверенитетом. Петар Боянич предлагает сосредоточиться на ощущениях читателя от столкновения с насилием, что позволит проявиться множественности реакций и фигур. Под фигурами следует понимать как антропологические типы, так и феномены. Среди них классические для европейской философии фигуры врага и друга. Боянич обращается к этой паре понятий, предлагаемых Карлом Шмиттом в качестве основных для определения суверенности. У автора книги они сравниваются или сталкиваются в концептуальных ситуациях, которые предлагают Гоббс, Гегель, Кант, Арендт и целый ряд других философов. В ходе этой процедуры суверенность из устойчивой и понятной категории политической философии подвергается критике и интерпретируется совершенно иначе. Насилие, возникающее между врагом и другом, осуществляемое ради поддержания суверенитета или разрушения его у противоположной стороны, обостряет и делает видимыми также проблемы этики войны, статуса «последнего» насилия, справедливости вражды. В этой постановке проблем современного состояния суверенности заключается актуальность представленной работы, обозначающей пределы классических философских понятий.

Ключевые слова: насилие, война, человек, враг, суверенитет, этика, антропология, К. Шмитт, П. Боянич, Х. Арендт

Для цитирования: Алкатири Шоук Мухсин Бадер Бинкуда, Сорокина С.Н. 2025. После паузы (рецензия на книгу: Петар Боянич. Насилие, фигуры суверенности. Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2025 г. 270 с.). *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(2): 466–470. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-466-470 EDN: RSPATE

After a Pause (Review of Petar Bojanic's Book "Violence, Figures of Sovereignty". Yekaterinburg: Kabinetny Ucheny. 270 p.)

¹ Alkatiri Shouk Muhsin Bader Binkuda, ² Svetlana N. Sorokina

¹ Al Jazeera University,

3 Et Twar Street 7A, Emirate of Dubai, UAE

² Gorin Belgorod State Agricultural University

1 Vavilova St, Maysky settlement, Belgorod region 308503, Russia

ashouk@bk.ru; sorokina_sn@belgau.ru

Abstract. Serbian philosopher Petar Bojanic is quite well-known to Russian-speaking readers. The book "Violence, Figures of Sovereignty" released by the Kabinetny Ucheny publishing house continues the

theme of study into violence, its connection with the state, law, and sovereignty. Petar Bojanic proposes to focus on the reader's feelings from the encounter with violence, to pause, to put a comma, which allows a multiplicity of reactions and figures to emerge. Figures should be understood as anthropological types, as well as phenomena. Among them are the figures of enemy and friend which are classical for European philosophy. Bojanic turns to this pair of concepts proposed by Carl Schmitt as the main ones for the definition of sovereignty. The author of the book compares or confronts them in conceptual situations offered by Hobbes, Hegel, Kant, Arendt, and a number of other philosophers. In the course of this procedure, sovereignty as a stable and comprehensible category of political philosophy is criticised and interpreted in a different way. The violence that arises between enemy and friend and is used for the sake of maintaining sovereignty or destroying it in the opposite party, aggravates and uncovers the problems of the war ethics, the status of 'last' violence, and the justice of enmity, among other. This way to state the problem of the contemporary state of sovereignty explicates the relevance of the work presented, marking the limits of classical philosophical concepts.

Keywords: violence, war, man, enemy, sovereignty, ethics, anthropology, K. Schmitt, P. Boyanich, H. Arendt

For citation: Alkatiri Shouk Muhsin Bader Binkuda, Sorokina S.N. 2025. After a Pause (Review of Petar Bojanic's Book "Violence, Figures of Sovereignty". Yekaterinburg: Kabinetny Ucheny. 270 p.). *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(2): 466–470 DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-466-470 EDN: RSPATE

Книга известного сербского философа Петара Бояничча продолжает его работы по изучению насилия [Борисов, 2021]. «Насилие, фигуры суверенности» начинается с утверждения о том, что для исследования насилия необходима пауза. Вслед за ним и вместе с ним мы настаиваем, что эта пауза необходима, она обусловлена самой сутью насилия и суверенности. Она связана с попыткой ответа или подготовкой к ответу на насилие, что в сочетании с проблемой суверенности, если мы переходим от индивидуального восприятия на уровень государства, коллективного субъекта, часть является столкновением с неопишным. Но любая из множества реакций изменяют, деформируют, создают и в итоге формируют множественности, спотыкающиеся в своем стремлении задержаться и остановить, следующее насилие, переход от насилия к суверенности, придания насилию смысла и надления его статусом «последнего». И здесь важна серийность, череда насилия и ответа, смена лиц, среди которых главное место занимает фигура недруга – неприятеля.

В названии первой главы «Конституция понятия недруга» в русском переводе употребляется слово «недруг», практически синонимичное слову «неприятель» и смягчающее противопоставление друга и врага, важного для автора смысла радикального различия между ними, введенного Карлом Шмиттом [Шмитт, 2016]. Слово «неприятель», как правило, ассоциируется с войной, но в контексте этой книги оно воспринимается, скорее, как «неприятный» – тот, с кем не хочется в ответ быть приятным. И потому недруг – это и есть неприятель в том самом первом, военном и крайнем смысле. Важно подчеркнуть еще раз – в смысле совершенно конкретном. Это подчеркивается постоянно и настойчиво. И конкретность как характеристика неприятеля сталкивается с проблемой его определения, от дилеммы частного и общего врага до выявления его физиогномики, образа и формы, в итоге видимости, явности.

Обозначенные крайности равно бросают вызов норме, будь то понятия личного неприятеля или абстрактного врага, и рассматриваются в главе «Неприятель, его гештальт животного». Здесь Gestalt – весьма сложно перевести, сам автор указывает на его многозначность и необходимость обращения с ним в контексте идей Хадеггера, Кассирера, Юнгера и Розенцвейга, удержать всю заявленную многозначность. В русском языке есть собственные доминирующие смыслы этого слова, которые в совокупности

с указанным ранее предостережением о сужении смыслов заставили сохранить это слово «как есть».

На полях в данном тексте появляется возможность сделать акценты и обратить внимание как минимум на два смысла. Когда гештальт есть облик, буквально то лицо, которое Шмитт призывает нас пристально рассмотреть и осознать конкретику и противоположность. Неприятель должен иметь лицо, должен быть определен и опознан. Анонимная вражда, проистекающая из неопределенности, раскрывает второй смысл, возможно, не вполне очевидный. Пары «друг – враг» и «приятель – неприятель» являются зеркальными отражениями, и гештальт, среди прочего, не только образ другого, но, возможно, и отражение; во множестве вариаций, от конструирования через противопоставление до сложности обретения врагом формы у Гегеля [Гегель, 2000]. И если переход к животному, животной функции неприятеля не вполне понятен, то давайте проведем эксперимент и построим себе в зеркале страшные, действительно страшные и угрожающие гримасы, после чего зададимся вопросом, не является ли образ в отражении тем «дьявольским» двойником, прообразом врага, о котором писал Кожев отвечая на вопрос Шмитта.

Перед прочтением главы «Mad Dog. Последний неприятель» или ее повторным прочтением давайте зададим себе вопрос, что нужно, чтобы неприятель стал последним, и может ли он не стать в этом случае личным. Вообще, есть ли шанс у вражды остаться не личной, если высшей целью любого противостояния считать окончательное решение проблемы насилия. Автор дает ответ с отсылкой на весьма личные отношения Шмитта и Хеллера. Стоит обратить внимание на значение термина Mad dog – укус бешеной собаки и превращение в бешеную собаку, который появляется у Гоббса в XXIX главе «Левиафана» «О тех вещах, которые ослабляют государство и ведут к его распаду» [Гоббс, 1991, с. 318]. Частное и личное смыкается с общественным и государственным. Пара «неприятель – друг» тесно смыкается, что в контексте диалога Шмитта и Хеллера, вынуждает первого ввести практически неуместную фигуру «третьего», «чужака». Принесенная в жертву дружба Шмитта и Хеллера открывает серию вопросов об обязательности уничтожения неприятеля, достаточности виртуального уничтожения, слома его воли и подчинения.

Те, кто знаком с произведением Канта «К вечному миру», со всем вниманием отнесутся к проблеме справедливости и обоснованности насилия в главе «Кант и право на превентивное насилие и войну». Возьмем паузу и обратим внимание на один небольшой момент, касающийся превентивности и содержащийся в «Основах метафизики нравственности» – фрагмент с описанием прививки от оспы [Боянич, 2025, с. 81-82]. Гомеопатическая стратегия Канта, взятая в проекции на государство, объясняет дозволенность превентивной войны и процедуры определения «праведного неприятеля».

Единичность и конкретность в главе «Разложить героя. Че Гевара и Гегель» сталкивается с головокружительной множественностью неприятеля, его навязчивым возвращением во множественности лиц, преступника, бандита, террориста и многих других. И, как может показаться, периферийные для повествования образы из «Терминатора» и «Матрицы» раскрывают страх неуничтожимости неприятеля, его возврата, воскрешения, действительно избыточной материальности, из которой история про съеденное Че Геварой яблоко раскрывается еще одной своей стороной как присвоение через уничтожение. И тогда вернемся немного назад и перечитаем строки о секретной службе. Именно она достаточно неоднозначно описана и определена как то, что соприкасается с врагом, соприкасается опасным образом, постоянно рискуя запачкаться, в метафоре поедания – не переварить неприятеля [Боянич, 2025, с. 93-97]. И далее, в других вариациях, следуют вопросы, можно ли представить поедание самого себя, наиболее

близким которому является принесение себя в жертву. И что в этом случае остается противнику?

«Убить правителя, умертвить родину, быть неприятелем матери» снова сталкивает нас с серийностью, последовательностью не только событий, но также вопросов и фигур неприятеля, на этот раз представляющих в обличье предателя, кажется, что отличного от неприятеля и весьма похожего на обычного гражданина. Обращение к Томасу Гоббсу и его представлению о порядке, рисует интересную перспективу суверенности и государственности как связи между гражданами через говорение «от имени» сообщества и государства [Боянич, 2025, с. 125-127]. И тогда неприятель в обличии предателя не только тот, кто разрывает или прерывает связь и существующую коммуникацию, стремится ее перестроить, но, что более важно, является инициатором говорения «от первого лица». Здесь снова проявляется конкретность неприятеля, как и наша собственная.

Главы «Суверенитет, псевдосуверенитет, протекторат» и «Создаст ли приговор в Гааге прецедент в международном праве?» во-многом продолжают логику противопоставления друга и недруга в несколько ином фокусе рассмотрения, сочетающем кантовскую концепцию «вечного мира» с современной реальностью различных форм деградации суверенитета, когда все государства не только объединяются против одного «неправедного» или недостаточно «демократичного», но сами могут являться государствами с весьма условной суверенностью [Боянич, 2025, с. 146, 159]. Или борьба будет происходить не с государством. Исходом войны не может стать обретение суверенитета и наступление мира, а «международный трибунал» уже не создает прецеденты.

Отблеск времени без прецедентов присутствует и в следующей главе «Последняя война или Война за демократию», начало которой поднимает совершенно отдельный вопрос, касающийся рассмотрения основной проблемы насилия и суверенности – вопрос о восприятии и переводе философских текстов, не только текстов Ханны Арендт и текстов о насилии [Боянич, 2025, с. 194-195]. Хотя мы отдаем себе отчет, что действительно и вполне возможно являемся одними из последних читателей, которые продолжают длительную традицию повторной интерпретации, замещения оригинальных смыслов, проистекающих из неполноты знания и языковых барьеров. Не дает ли это некоторое преимущество, значимые и плодотворные обертоны смыслов и взаимных переходов насилия в мощь, силу, энергию и так далее? Это «и так далее...» в своем многоточии и длительности упорядочивает и дополняет, в итоге обогащает всех нас. Сегодня само предположение об «окончательном» и исчерпывающем знании выглядит как аналог «последней» войны, окончательного насилия.

Так же, как в главе «Терроризм: террор и взрыв», есть идея об аналогии между определением терроризма и террором определений. Мы все оказались вовлечены в этот обмен и в некотором смысле миметическое соперничество. В деятельность по заговариванию страха через интерпретацию и встраивание в ряд (тем самым создание некоего порядка), в череду комментаторов, от Аристотеля и затем Гоббса, Бэкона, Гегеля до нас самих. Не создаем ли мы сами тот шум и гул, который предшествует и сопровождает взрыв петарды, который Боянич приводит как пример, и самый сложный вопрос, какова роль именно нас в этом действе и действии [Борисов, 2024]. Стоит ли философам молчать, взять паузу в этом случае? Как и в случае этики войны, о чем идет речь в главе «Насилие и противонасилие. О правильном сопротивлении», где молчание не равно пацифизму, а является необходимостью для выхода из миметичной связи права и насилия. И здесь загадочные слова Ивана Ильина о мече молитвы завершают текст, открывая и начиная новый [Боянич, 2025, с. 266], гораздо более сложный, разворачивающийся вне знакомых категорий, но также требующих «работы» по совершенно конкретному восприятию себя и возможного противника, то, о чем говорил Карл Шмитт.

Список литературы

- Борисов С. Н. 2024. Насилие «без места» или позитивность не для всех. Рецензия на книгу Бён-Чхоль Хана «Топология насилия. Критика общества позитивности позднего модерна». *Nomothetika: Философия. Социология. Право*. Т. 49, № 3.: 615-618.
- Борисов С. Н. 2021. От Белграда через Париж и Нью-Йорк до Белгорода... Послесловие к книге П. Боянич «Про/вокация. Воззвание и право на переворот». *Наука. Искусство. Культура*. № 4(32): 55-60.
- Гегель Г. В. Ф. 2000. Феноменология духа. Москва: Наука, 495 с.
- Гоббс Т. 1991. Левиафан. Т. 1. Ниш: Градина, 547 с.
- Шмитт К. 2016. Понятие политического. Санкт-Петербург: Наука, 567 с.

References

- Borisov S. N. 2024. Nasilie "bez mesta" ili pozitivnost' ne dlja vseh. Recenzija na knigu Bjon-Chhol' Hana "Topologija nasilija. Kritika obshhestva pozitivnosti pozdnego moderna". *Nomothetika: Filosofija. Sociologija. Pravo*. T. 49, № 3.: 615-618.
- Borisov S.N. 2021. Ot Belgrada cherez Parizh i N'ju-Jork do Belgoroda... Posleslovie k knige P. Bojanicha "Pro/vokacija. Vozzvanie i pravo na perevorot". *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura*. № 4(32): 55-60.
- Gegel' G. V. F. 2000. Fenomenologija duha. Moskva: Nauka, 495 p.
- Gobbs T. 1991. Leviafan. T. 1. Nish: Gradina, 547p.
- Shmitt K. 2016. Ponjatie politicheskogo. Sankt-Peterburg: Nauka, 567 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 22.09.2024

Поступила после рецензирования 22.12.2024

Принята к публикации 30.05.2025

Received September 22, 2024

Revised December 22, 2024

Accepted May 30, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Алкатири Шоук Мухсин Бадер Бинкуда, сотрудник, Университет «Аль-Джазира», эмират Дубай, ОАЭ.

Сорокина Светлана Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры профессионального обучения и социально-педагогических дисциплин, Белгородский государственный аграрный университет им. В.Я. Горина, ул. Вавилова, Белгородская обл., п. Майский, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alkatiri Shouk Muhsin Bader Binkuda, Employee, Al Jazeera University, Emirate of Dubai, United Arab Emirates.

Svetlana N. Sorokina, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Vocational Training and Socio-Pedagogical Disciplines, Gorin Belgorod State Agrarian University, Belgorod region, Maysky settlement, Russia.